

ЛИНИЯ ВРЕМЕН

Светлана Маслова

* * *

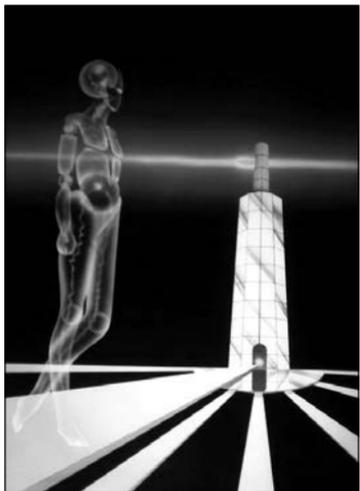
Рожают мамы в голод и в войну.
Не зная, что не время, в лихолетье
счастливыми на свет приходят дети,
готовые к винтовке и к кайлу.

Всех мамы любят: толстых и худых,
с веснушками, с сопливыми носами,
послушных, робких, вредных, озорных,
с зелеными и с карими глазами.

Жалеют больше неродных детей.
Безропотно, за руку по дороге
ведут того, кто меньше и слабей
и сам не поднимается на ноги.

Котлеты жарят и пекут блины,
компоты варят и стирают платья.
Снимают словом груз любой вины,
отогревают от обид в объятьях.

Творят для чад сплошные чудеса,
врачуют боль и послабляют муки.
И сам Господь, покинув небеса,
целует им натруженные руки.

*Авторские
подборки
стихотворений*

ЕЩЕ НЕ ЗНАЯ, ЧТО УБЬЮТ ХРИСТА

В провинциальных городках и в селах старых
есть храмы без решеток и охраны,
без Благовестов и без колоколен,
с отбитой штукатуркой на стенах,
где бьют челом на земляных полах,
а всяк кирпич оплакан и намолен.
Там неожиданно порой вскрываешь раны,
случайно заглянув на полчаса,
когда заутреннюю спели голоса,
а до вечерней службы слишком рано.
Безлюдна церковь, гулка и пуста.
Затеpliшь свечку и положишь три креста.
Свет пламени у тьмы отнимет раму:
с иконой, что как истина — проста:
к груди младенца прижимает мама,
еще не зная, что убьют Христа.

ДВА СЫНА

В сороковые под Смоленском было
у старика с старухой два сына:
один — красавец, балагур, шельмец;
дугой — как отражение, близнец.
Но в сорок первом опустела хата,
под слезы матери ушли сыны в солдаты.
В июле немцы ворвались в село,
немало наших у околицы слегло.
Под дулами фашистских автоматов
к конторе гнали взятых в плен солдат,
на колокольне били в Благовест.
Пришли на площадь все, кто жил окрест.
Стоял старик с старухой своей,
а мимо фрицы гнали их детей.
Без гимнастеров, окровавленных, в пыли.
Друг друга видели. Окликнуть не могли.
Построили фашисты у крыльца
солдат пленных. На глазах отца
и матери обоих сыновей
поставили перед толпой людей.
Овчарки лаяли и скалили клыки.
В толпе волками выли старики.
В перчатках белых и в погонах фриц
отдал команду. Уложили ниц
всех пленных. Но оставили стоять
двух близнецов. Кричала выпью мать.
Смотрел старик, как сын своей рукой
нажал курок, как слег в пыли дугой.

Сверкал улыбкой белозубый офицер,
в Аду смеялся пьяный Люцифер.
Не видела старуха из-за спин,
как рядом с братом рухнул первый сын,
как расстреляли всех. Смотрел старик
безмолвно. В ребра бился крик.
Рассвет рососою окропил траву.
Ушли фашисты дальше — на Москву.
Село, осиротев, осталось жить.
Убитых пленных стали хоронить.
И показали старику детей.
Он встал у изголовья сыновей.
Закрыв глаза им собственной рукой,
сказал тихонько: здесь один лишь мой.

г. Борисоглебск

Андрей Монастырный

НОСТАЛЬГИЯ

Знакомый переулок, тот же клен
над влажным глазом старого колодца,
но я не тот и больше не влюблен
в ту, что с портрета озорно смеется.
Я здесь когда-то бегал босиком,
в следах с тревогой видя плоскостопье,
и в огород размашистым броском
швырял из веток сделанные копыя.
А в этот сад мы мелкою шпаной
безлунной ночью крались за грушовкой —
и хоть, казалось, видели спиной,
все ж попадались глупо и неловко.
А вот и дядя Коля, что был скор
на строгий суд и легкое прощенье.
Ах, дядя, дядя, разве только вор
не любит летом старое варенье?..
Вот тут стоял тогда наш ветхий дом
с огромной печкой в половину кухни.
С нее зимою мы с сестрой вдвоем
смотрели, как свеча в лампаде тухнет.
Теперь на этом месте лопухи
Повисли вниз зелеными ушами,
и ждет своей рачительной сохи
наш двор, где мы играли малышами.
Эхма! А где же бабка, что жила
лет девяносто с гаком длинным веком?..
Давно тропинка к дому заросла,
упал забор, как брошенный калека...

Все здесь не так! Не тот живет народ,
знакомых лиц все меньше по дороге,
а те, кто хоть немного узнает, —
как могоканы, редкие из многих.
Привет, речушка! Что-то ты сдала,
Покрылась камышом, как дед — щетиной;
наверняка лопатой весла
не провернуть твою густую тину.
А ведь совсем недавно здесь зимой
на хрупкий лед ступали мы несмело.
Ты нас держала выгнутой спиной
и гулко эхом в берегах звенела.
Совсем недавно... Двадцать лет назад
здесь ночью в мае соловели вишни,
но сбросил ветви тот весенний сад:
он, как и я, здесь оказался лишним.
Другое поколение босиком
сорит мечтами вдоль знакомых тропок...
Зачем тридцатилетним чужаком
тревожить мир, что так пуглив и робок?..
Знакомый переулочек, тот же клен
над влажным глазом старого колодца,
но я не тот и больше не влюблен
в ту, что с портрета озорно смеется.

ГЕРОЯМ АФГАНА

Поверь, не бывает напрасной войны,
И думать так даже не стоит.
И нет, и не будет у нашей страны
Напрасных военных героев.

И подвиги наших советских солдат
Под солнцем палящим Афгана,
Живых и погибших надежных ребят,
Поверь, забывать еще рано!

Они понимали вдали от родных,
Их долг — интернациональный.
И Родина ждет их, конечно, живых,
Хоть выжить почти нереально.

Они, как и мы, лишь по книгам-кино
Да играли, что в детстве играли,
Знавали войну, что гремела давно,
В победных звенела медалях.

Их юность в армейских прошла сапогах,
И песни их слушали горы,
И слышал молитвы не только Аллах
Под рев раскаленных моторов.

И вот под ногами чужая земля,
Вверху — азиатское небо,
И как-то иначе глядят дембеля
На тех, кто в «аду» еще не был.

«Здесь вам не гражданка, здесь, братцы, война,
Здесь в каждом ущелье душманы.
И часто посмертно дают ордена
Солдатам Афганистана».

Они понимали, что «здесь вам не там»,
Что смерть здесь — «обычное дело»,
Но как рассказать этим страшным горам,
Как мать в один день поседела.

Здесь эхо — за «них» и тебя предает,
Здесь боги — лишь только «вертушки».
И подвиг — в бою посадить вертолет
И бить «духов» на всю катушку.

И подвиг здесь — выжить всем бедам назло
И, честь не роняя солдата,
Вернуться в свой город, поселок, село
От бьющего в цель автомата.

И подвиг — обидное слыша порой,
Что кровь они зря проливали,
Лишь орден прикрыв от обиды рукой,
Молчать, как герои молчали...

Поверь, не бывает напрасной войны,
И думать так даже не стоит.
И нет, и не будет у нашей страны
Напрасных военных героев!

*Отдел по образованию
и молодежной политике
администрации Поворинского района*

Геннадий Петренко

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ

* * *

Ковыль-трава под вольный ветер
на север горбится в поклон
и на серебряном отсвете
колышет линию времен.

И дальние в тумане гоны
стремительных степных коней,
и птиц весенних перезвоны...
То думы Родины моей.

* * *

Да, у сверчка мелодия стара:
туда-сюда, тупой пилой в две ноты,
и — с вечера до самого утра —
мотив один, какие там фокстроты!..

Пусть ночью трели лучше соловей
распределит свои на нотном стане...
Ан, брат, сверчок свое пилить не перестанет:
в природе все — почти как у людей.

* * *

Но Бог опять на испытанье
готовит, грешного, меня —
на тридешатое страданье
без сабли, сбруи и коня.

По бездорожному раздолью,
по зову — в темень-стужу-лед
бреду, в кулак сжимая волю
и все-то зная наперед.

Иду туда, где мне не рады,
где полно горюшко обид...
Но от людей не прячу взгляда —
костер души для всех горит.

* * *

Над тихой речкой полная луна
висит у темноты на середине —
колеблет отражение она,
прокладывая путь в зеленой тине.

И лодка отдыхает на мели —
качаясь, убаюкивая душу,
свивая цепью краешек земли
и дикую невызревшую грушу...

Смиранный дух до райского угла
в глубоком сне под шелест очерета
взлетит с луной — она же дальше поплыла,
забрав печали середины лета.

Вот стих летит по Божьей воле
в осенних листьях сентября —
через дорогу... к старой школе...
лег на страницу букваря.

Через препятствия большие
летел строкой — через судьбу...
Стихи рассыплются в стихии —
а я в них снега нагребу.

Из трав сухих копну возвышу,
мечтами к небу поднимусь,
увидев голубя на крыше
и детством сотканную Русь.

* * *

Сон прерван вражеской бомбежкой
с родной когда-то стороны —
живем тревожно и сторожко
на грани мира и войны.

Теперь небезопасна трасса
на белгородской полосе,
и тянет, гонит по Донбассу
беду на темном колесе...

За окровавленным закатом
и в маскировочном дыму
мой ученик пошел солдатом,
и жизнь в бою спасли ему.

Там повзрослев, он стал героем,
едва раненье пережив,
и вновь ушел на поле боя...
Армеец. Фронтовик. Мужик.

Эх, «я б» да «я б»!.. Сейчас, ребята,
душой и сердцем за своих,
усердней молится за них
учитель русского солдата...

*Педагог дополнительного образования,
станция юных техников,
г. Павловск*